

Добравшись до временного офиса, Сяо Жофэй снял пуховик и, обернувшись, заметил, что Бай Яньнань занял его место, закурил сигарету, но не стал делать затяжку, позволив ей медленно тлеть.

Сяо Жофэй нахмурился, взял пепельницу с полки, подставил её под сигарету, а затем достал шоколадку в форме сигары и положил рядом.

— Если так хочется курить, съешь это.

— Какой же ты милый, до сих пор держишь шоколадные сигареты, — Бай Яньнань затушил сигарету, развернул шоколадку, и уголки его губ дрогнули в улыбке, но взгляд оставался холодным, как лёд на оконной раме. — Чуньлай до сих пор курит, поэтому ты держишь их наготове?

Увидев, что Бай Яньнань не собирается вставать, Сяо Жофэй сел на стул снаружи.

— Нет, но он всегда носит с собой сигареты, на всякий случай.

— На всякий случай, — Бай Яньнань быстро разжевал шоколадку, проглотив её целиком. Это был молочный шоколад, слишком сладкий и приторный, но ему казалось, будто он проглотил горькое лекарство, которое проникло в самое нутро.

— Курение вредит здоровью, — Сяо Жофэй взял газировку со стола, открыл банку и протянул её Бай Яньнаню.

Пузырьки шипели, словно гремучая змея, готовая к атаке.

— Ты хотел поговорить о Чуньлае? Говори.

Бай Яньнань замер с поднятой рукой. Газировка стекала по его подбородку, пропитывая пальто, капли катились по складкам ткани и падали на пол. Он долго держал пустую банку, прежде чем изменить позу, взял салфетку и вытер лицо и одежду, стараясь избавиться от следов беспорядка.

— Возможно, ты не знаешь, но стены в гостинице тонкие, и секреты там не спрячешь, — Сяо Жофэй прищурился, несколько прядей волос падали ему на глаза, он расслабленно скрестил руки на груди, словно леопард, затаившийся на дереве в ожидании добычи.

Бай Яньнань опустил голову, пристально глядя на заусенец на большом пальце. Он дёрнул его, почувствовав резкую боль, и увидел, как из раны хлынула кровь. Сяо Жофэй вздохнул, взял ватный тампон с дезинфектором, прижал его к ногтю Бай Яньнаня и нанёс жидкий пластырь на кровоточащее место.

— Сяо Жофэй, ты, чёрт возьми, с ума сошёл! — Бай Яньнань вскочил от боли, но тут же сел обратно, сжав зубы и тяжело дыша, пока немного не успокоился. — Мог бы быть поаккуратнее!

— Прости, но ты сильно кровоточил, нельзя было медлить.

— Не извиняйся, это моя вина, — Бай Яньнань повертел глазами и понизил голос. — Я слышал, ты тоже хочешь подписать контракт с Чуньлаем.

— Разве ты не знал об этом раньше?

— Если бы Чуньлай не сказал мне, я бы так и остался в неведении... — Бай Яньнань снова

закурил. — Вы двое сговорились против меня.

Сяо Жофэй поднял руку, выхватил сигарету изо рта Бай Яньнана, разорвал её пополам и выбросил в пепельницу. Дождавшись, пока табак сгорит дотла, он произнёс:

— Сговором это не назовёшь. Но Чуньлай умеет играть, он красив, и у него правильный подход к работе. Кто бы не захотел такого актёра?

— Это я нашёл его первым. Я первым предложил ему роль в «Двух городах», я настаивал, чтобы он поехал со мной на промоушен. И что теперь? А? Сможешь ли ты признать, что он становится популярным, и это моя заслуга?

Сяо Жофэй не мог возразить. Если бы «Сказание, учение, шутки и пение» не оказались в тупике, если бы Гу Чуньлай не появился перед ним в тот момент, он бы не стал искать его и не задумался бы о контракте.

А тот день совпал с мероприятием съёмочной группы «Двух городов».

Бай Яньнань с уверенностью заявил:

— До промоушена Чуньлай был уверен, что подпишет контракт с тобой, но теперь он смягчился и говорит, что подумает. Кто одержит победу, пока неизвестно.

Почему-то Сяо Жофэй почувствовал облегчение. Под взглядом Бай Яньнана он сказал:

— Хорошо, пусть он сам решит. Это правильно.

— Ты больше не хочешь его? Ты не хочешь подписать с ним контракт? Ты просто отдашь его мне?

Сяо Жофэй задумался и ответил:

— Пусть Чуньлай сам выберет. Что бы он ни решил, я поддержу.

— Жофэй, ты всё такой же, — в глазах Бай Яньнана появилась насмешка. — Если он подпишет контракт со мной, все твои усилия, великолепное возвращение учителя Цаньсина, всё это станет моим фоном, моим украшением. Ты смиришься с этим?

Сяо Жофэй пожал плечами, его голос оставался спокойным:

— Я просто думаю, что у нас разные стили, разные пути. За это время Чуньлай, должно быть, всё понял. Не забывай, что в то время, как мы мучились с домашними заданиями, он уже принимал решения, которые определяли его жизнь и судьбу всей семьи. Он лучше нас умеет принимать решения. Дай ему время, он всё поймёт.

— Жофэй, очнись, разве Цаньсин когда-либо продвигал актёра, который сочетал бы мастерство и популярность? Нет. Но когда человек становится популярным, у него появляется всё: деньги, ресурсы, популярность, связи. Разве это не легко? Ресурсы нашей студии недостижимы для Цаньсина, и когда человек станет по-настоящему известным, фильмы будут сниматься в мгновение ока. Даже величайшие режиссёры не могут полностью игнорировать кассовые сборы, их любимцы — это актёры, сочетающие мастерство и популярность. Подумай, Жофэй, у тебя почти нет шансов.

— Неважно. Куда бы Чуньлай ни пошёл, если у меня будет подходящая роль, я выберу его; если

ему понадобится помощь, я помогу; если он сможет помочь мне, я обращусь к нему.

Бай Яньнань не мог понять этого человека. Его аргументы были безупречны, но Сяо Жофэй казался равнодушным, его лицо становилось всё более спокойным, даже улыбалось. Он почувствовал себя ужасно, внезапно забеспокоился и торопливо сказал:

— Ты — большой босс, но делаешь такие неблагодарные дела. Это глупо!

— Да... похоже, так оно и есть.

Хотя его тон был неуверенным, на лице Сяо Жофэя не было и тени сомнения. Раньше, в их отношениях, будь то радость или печаль, такого ясного и спокойного выражения Бай Яньнань никогда не видел.

— Ладно, больше ничего не говори. Я согласен с тобой, пусть Чуньлай сам решит, я больше не буду на него влиять, — сказав это, Бай Яньнань не выдержал и встал, чтобы закрыть рот Сяо Жофэя.

Но было уже поздно.

Прежде чем он успел закончить, Сяо Жофэй уже заговорил, и его слова, как вибрация, проникли в уши Бай Яньнана:

— Ради Чуньлая я готов на это... он... мой любимый человек.

— Что ты сказал? — Бай Яньнань побледнел, его глаза, полные крови, уставились на Сяо Жофэя. — Повтори!

Сяо Жофэй оставался спокоен:

— Яньнань, я говорю на китайском, ты понял? Нужно перевести? Хочешь услышать на английском, французском или японском?

— Ты, чёрт возьми, заразился от Чуньлая и начал шутить?

— Нет, — Сяо Жофэй улыбался. — Я серьёзен.

Бай Яньнань внезапно сник. Он сжался в кресле, его взгляд стал беспокойным, не находящим опоры.

Сяо Жофэй был слишком силён. На расстоянии он мог разглядеть всё, никто не мог скрыться от его взгляда. Но если подойти слишком близко, в его глазах оставалась только тьма, он терял фокус, становился растерянным, не знал, куда смотреть, не мог понять собственное сердце, создавал себе лабиринт, из которого невозможно было выбраться, даже ценой крови.

Так было и с Гу Чуньлаем.

Бай Яньнань не мог забыть тот поцелуй, не мог забыть, как, закончив съёмки, он пришёл к Сяо Жофэю домой и через щель в двери увидел, как тот и Гу Чуньлай лежат на кровати. Кондиционер, казалось, сломался, и жара волнами вырывалась из комнаты. Их позы были такими неестественными, они прижимались друг к другу так близко, их тела покрылись потом, и они целовались, словно мир вокруг них рушился, но им было всё равно. Бай Яньнань чувствовал, как будто погрузился в кипяток, его взгляд затуманился, он не мог дышать, но всё ещё видел, что глаза Сяо Жофэя были открыты.

Он не хотел, чтобы всё закончилось, не успев начаться, поэтому, когда Гу Чуньлай внезапно уехал, он схватил Сяо Жофэй и, надеясь на удачу, спросил, могут ли они быть вместе.

К его удивлению, Сяо Жофэй согласился.

Он не понимал почему, но впутался в эти отношения. Сяо Жофэй относился к нему хорошо, выполнял все просьбы, но их общение ничем не отличалось от прошлого — не было ни ласки, ни страсти, как у влюблённых.

Пока кто-то не сказал ему, что его глаза похожи на глаза Гу Чуньлая. Тогда все сомнения нашли ответ, и его неудовлетворённость тоже.

<http://bllate.org/book/15563/1415742>